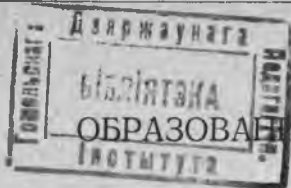

СТАТЬИ

Проф. В. Пичета

В настоящей статье подводятся некоторые итоги моим работам по истории Белоруссии за последние 25 лет. В этих работах я уделил много внимания этногенезу белорусского народа. В 1938 г. мною был прочитан доклад на эту тему в Институте истории АН БССР, а в 1939 г. — в Институте истории АН СССР. В 1945 г. я выступил с докладом на сессии Института этнографии, посвящённой этногенезу славянских народов. Развиваемые мною положения были поддержаны историками, этнографами и антропологами. Сделанные ими отдельные ценные замечания мною были учтены при дальнейшей работе над этой темой. В более ранних своих докладах я не касался вопроса о белорусском языке. В настоящей работе я отвожу ему видное место, так как формирование языка является показателем формирования и народа.

В настоящей работе я не затрагиваю вопроса о появлении славян на территории Белоруссии. Эта проблема должна стать предметом отдельного исследования, которое составит часть монографии об «Образовании белорусского народа». Отмечу, что по вопросу о появлении славян на территории Белоруссии в течение XIX в. и вплоть до конца 30-х годов нашего столетия господствовала миграционная теория. Только в конце 30-х годов советские историки и археологи вплотную подошли к исследованию проблемы этногенеза славянских народов. Работы акад. Н. С. Державина, А. Д. Удальцова, Б. А. Рыбакова, Н. М. Третьякова, М. Поликарповича показали всю несостоятельность миграционной теории. Их выводы мы полностью разделяем. Конечно, признание автохтонности славян на территории Белоруссии отнюдь не исключает миграционного движения локального характера. В своём исследовании мы отправляемся от данных «Повести временных лет» о распределении славян — предков белорусского народа — на территории Белоруссии.

*

Вопрос об этногенезе белорусского народа был впервые поставлен проф. Е. Ф. Карским в начале XX века. В 1904 г. он опубликовал первый том исследования — «Белоруссы» — как введение к изучению языка и народной словесности¹. Постановка вопроса об этногенезе белорусского народа была настоятельно необходима². Польские и русские этнографы в

¹ Карский Е. «Белоруссы». Кн. 1-я. Вильно. 1904.

² В 1830 — 1831 гг. польское шляхетское восстание потерпело полную неудачу. Несмотря на все призывы шляхтичей к белорусскому народу объединиться с ними для совместной борьбы против царизма, он не поддержал своих помещиков. Стремясь привлечь белорусский народ на свою сторону, шляхтичи обратились к изучению белорусского народа, который раньше в их глазах был только «быдлом». Первые польские этнографы и собиратели народного творчества рассматривали Белоруссию как польскую провинцию. Польский эмигрант Рыпинский в 1840 г. опубликовал в Париже небольшую книжку «Белоруссия». В этой книге напечатаны латинским шрифтом стихотворения на белорусском языке. Это «белорусофильство» польского эмигранта нашло своих последователей. Польские писатели собирали народные песни или сами сочиняли их для простого народа. Во время польского восстания 1863 г. революционные шляхтичи выпускали воззвания на белорусском языке, призывая белорусский народ принять участие в борьбе за независимость Польши. Однако белорусский народ и на этот раз остался равнодушным к призывам польских шляхтичей и поддержал только революционера-демократа Кастуса Калиновского, который призывал белорусских крестьян к борьбе за волю, против помещиков.

течение XIX в. с большим усердием собирали произведения народного творчества, изучали народные обряды, обычаи и быт белорусского народа. Такой интерес к изучению белорусского народа был не случаен.

Хотя белоруссы объединились с русским народом в конце XVIII в. (1772—1795), но дворянско-придворные круги имели весьма слабое представление о том, что собой представлял белорусский народ. Только голод, охвативший Белоруссию, побудил царское правительство более подробно познакомиться с народом, находившимся под его властью. С этой целью в 1800 г. была организована сенаторская ревизия, во главе которой был поставлен Г. Р. Державин. Итогом его ревизии была записка «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем»¹. Сенатор Державин справедливо отметил тяжёлое экономическое положение «белорусских обитателей», но причину их усмотрел не в господстве феодально-крепостнических отношений в стране, а в эксплуатации белоруссов евреями, на которых и обрушился весь гнев сенатора-ревизора. Однако Державин даже не поставил вопроса о том, что собой представляют «белорусские обитатели». Царское правительство избегало употреблять термин «Белоруссия», предпочитая пользоваться официальным термином «губерния, от Польши приобретенная».

В официальных кругах собственно Белоруссией называлась территория Витебской и Могилёвской губерний, а белоруссы, населявшие западную часть территории, назывались «литовцами», «литваками». Этой же точки зрения держался и дворянский революционер-декабрист Павел Пестель². Пестель даже путает «Литву с ляхами, а губернии Виленскую и Минскую считает населёнными «литвой»³. Впрочем, Пестель отмечает сходство населения Виленской и Минской губерний с населением Витебской и Могилёвской губерний, что он объясняет «близостью этих губерний».

В конце XVIII в. на белорусском языке стала распространяться в рукописи переделка «Энеиды», духовно связанной с украинской «Энеидой» Ивана Котляревского, напечатанной в Петербурге в 1798 году. Автора переделки этого произведения на белорусский язык не удалось установить. Существует предположение, будто составитель белорусской «Энеиды» был полковник Викентий Ровинский (1782—1842). Белорусская «Энеида» получила широкое распространение среди белорусской мелкобуржуазной общественности. Вероятно, она стала известной и в учёных московских кругах.

В 1822 г. известный славист К. Калайдович опубликовал работу «О белорусском наречии», в которой он отмечает некоторые особенности как старобелорусского, так и современного белорусского языка. Изучению белорусского языка К. Калайдович (1792—1832) придавал особенное значение. «Положение, руководившее мной в написании истории их, — писал Калайдович, — состояло в том, дабы обратить внимание на столь важный предмет самих белорусцев, которые вернее и лучше могут исследовать своё наречие и помощью оною объяснить древний язык наших памятников»⁴.

К. Калайдович не вполне был знаком с современным белорусским языком, но совершенно правильно его утверждение, что изучение старобелорусской письменности помогает «объяснить древний язык наших памятников». Таким образом, К. Калайдович устанавливает историческую связь между языком старобелорусской письменности и древнерусской

¹ Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VII, стр. 261 — 278. СПб. 1878.

² Пестель П. «Русская Правда», стр. 39. СПб. 1906.

³ Там же, стр. 43.

⁴ Ігнатоўскі У. «Кароткі нарис нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі», стр. 14. Менск. 1928.

письменности, показывая этим происхождение белорусского языка от одной лингвистической основы с русским, а следовательно, и белорусского народа из одного восточнославянского этнического целого. Так, уже в начале XIX в. впервые был поставлен вопрос об этногенезе белорусского народа и происхождении белорусского языка. Вопрос был поставлен К. Калайдовичем вполне своевременно, так как Виленский университет во главе с его куратором князем Адамом Чарторижским усиленно проводил колонизацию Белоруссии, через школу и католическое духовенство, продолжая считать, что Белоруссия является составной частью Польши и что она впоследствии должна войти в состав восстановленного польского государства.

Вопрос о белорусском языке и его месте среди других славянских языков рассматривался и «патриархом» чешского славяноведения—Павлу Иосафом Шафариком. В своих двух работах, «Славянские древности» (Прага. 1837) и «Slovanský Národopis» (1852), Шафарик различал в юго-восточной ветви славянства три главные ветви: русскую, болгарскую и иллирийскую,— а в языке русской ветви он выделял наречие великоруссов, или москвитян, малоруссов, белоруссов и новгородцев. Русские библиографы В. С. Сопиков¹, В. М. Ундольский², П. М. Строев³, И. П. Сахаров⁴, А. Х. Востоков⁵ отмечали наличие огромного русского рукописного богатства, сохранившегося от прошлой жизни Белоруссии, и таким образом подчёркивали единство происхождения русского и белорусского языков и его культуры как составной части общерусской культуры, созданной единым русским народом в его органических частях: великоруссах, украинцах и белоруссах.

Русские слависты — филологи и библиографы — своими трудами установили культурное и языковое единство Западной Руси с Восточной. В то же время профессор Петербургского университета Н. Г. Устрялов вводил историю великого княжества Литовского в систему прагматической истории России, отмечая, что гражданские уставы, язык, вера, история были главным препятствием для слияния «обитаемой Западной Руси с поляками, напоминая им на каждом шагу родство с обитателями Московского государства»⁶.

Профессор Московского и Киевского университетов М. А. Максимович вслед за Шафариком также отмечает наличие трёх ветвей русского народа: великорусской, малорусской (украинской) и белорусской. Он подчёркивал единство «земли Русской», созданной кровной близостью этих ветвей и их историей. Это единство «земли Русской», по мнению М. А. Максимовича, разорвалось благодаря монголо-татарскому нашествию.

Издание многочисленных актов, характеризовавших жизнь белорусского народа под властью Литвы, выявило отчётливо общерусский характер белорусских и украинских земель⁷. Издание актов в Петербурге было продолжено Виленской археографической комиссией, а затем и Витебским центральным архивом. Издание источников дало в распоряжение исследователей огромный языковой фактический и исторический материал, который открывает широкие возможности для изучения истории и

¹ Сопиков В. «Опыт российской библиографии». СПб. 1813.

² Ундольский В. «Каталог библиотеки А. И. Кастерона». М. 1848.

³ Строев П. «Обстоятельное описание старопечатных книг славянскими росписями». М. 1829.

⁴ Сахаров И. «Обозрение славяно-русской библиографии». М. 1849.

⁵ Востоков А. «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума». М. 1842.

⁶ Устрялов Н. «Рассуждение о системе прагматической русской истории». СПб. 1836; «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское». СПб. 1839.

⁷ Григорович И. «Белорусский архив древних грамот». СПб. 1834; «Акты, относящиеся к истории Западной России». Т. I—V. СПб. 1846—1853.

культуры Западной Руси. В 1857 г. была предпринята попытка О. Турчановичем дать «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времён», которая воочию показала тесную её связь с историей Руси вообще.

Одновременно началось и этнографическое изучение Белоруссии. Знакомство с бытом Белоруссии показало общность его с общерусской стариной, своими корнями ведущей к отдалённым временам племенной жизни восточных славян¹.

Таким образом, в историографии первой половины XIX в. был выдвинут ряд важнейших проблем, касавшихся этногенеза белорусского народа и его языка. Исследователями были установлены: 1) исторические связи белорусского народа с русским, 2) принадлежность белорусского языка к восточной ветви славянского народа, 3) сходство быта и культуры обоих народов. Наблюдения русских исследователей полностью опровергают те выводы, к которым приходили «польские белорусофилы», считавшие себя белоруссами по происхождению, по национальности — поляками: «gente russus albus, natione Polonus».

После восстания 1863 г. белорусская народность стала объектом особенного внимания дворянских и правительственных кругов. «Со времени польского восстания,— пишет А. Н. Пыпин,— относительно белорусской народности сделано было чуть ли не открытие: масса (русского) общества, прежде имевшая смутное представление о Западном крае, вследствие переполоха, произведённого восстанием, увлекалась соображением, что этот край — русский. Это соображение было для большинства как будто новостью, и эта новость усердно пропагандировалась... Доказывалось не только то, что край этот русский, но что западнорусская или белорусская народность даже не существует: до такой степени она составляет то же единое русское племя без всякого отличия от его коренной массы, что «Белоруссия» есть только географический термин². Сам А. Н. Пыпин, отправляясь от наблюдений П. Шафарича, считает белорусский язык одним из трёх наречий русского языка. В книжном языке Западной Руси А. Н. Пыпин видит «странный язык, соединявший в себе общерусскую основу с оттенками старославянского, польского, южного и собственного белорусского»³. Этот общий интерес к белорусской народности выразился и в том, что после восстания 1863 г. народным творчеством, языком и бытом белорусского народа стали интересоваться русские и белорусские этнографы: П. Бессонов⁴, И. Носович⁵, П. Я. Никифоровский⁶, В. Добровольский⁷ и др. Благодаря этому были собраны и опубликованы многочисленные записи памятников народного творчества, которые наглядно свидетельствовали о языковой и культурной близости белоруссов русскому народу.

Вместе с тем они показали, что живой белорусский язык имеет свои фонетические и морфологические особенности, отличные от русского языка, и таким образом разрушали легенду, созданную великодержавными шовинистическими кругами, будто «Белоруссия есть только географический термин». Одновременно началось и тщательное изучение Западной

¹ Шпилевский Б. «Подорожье по Полесью и Белорусскому краю». СПб. 1858.

² Пыпин А. «История русской этнографии». Т. IV, стр. 3—4.

³ Пыпин А. и Спасович В. «Обзор истории славянских литератур», стр. 214. М. 1873.

⁴ Бессонов П. «Белорусские песни». СПб. 1871.

⁵ Носович И. «Сборник белорусских пословиц и поговорок». СПб. 1874.

⁶ Никифоровский П. «Очерки простонародной жизни-быта в Витебской Белоруссии». Витебск. 1895; «Простонародные примеры и суеверия». Витебск. 1897. и др.

⁷ Добровольский В. «Смоленский этнографический сборник».

Руси и отношения её к Польше. В этом отношении много сделали С. М. Соловьёв¹, И. Д. Беляев², М. О. Коялович³, М. К. Любавский⁴ и др.

После аграрно-крестьянской реформы 1861 г. начало изменяться экономическое лицо Белоруссии. Сельское помещичье хозяйство уже стало на рельсы капиталистического развития. Обезземеленное крестьянство в изобилии снабжал капиталистические сельскохозяйственные предприятия рабочими руками. Сельское помещичье хозяйство было связано с развитием сельскохозяйственной промышленности — винокурением, паточным производством, пивоварением. Параллельно развивалась и промышленность, в особенности в западных районах Белоруссии⁵. В Белоруссии начала формироваться собственная интеллигенция, создавалась оригинальная художественная литература (Ф. Богушевич, Якуб Колас, Янка Купала и др.)⁶.

Это белорусское возрождение второй половины XIX в. и выдвинуло вопрос об этногенезе белорусского народа. Постановка этой проблемы значительно облегчалась тем, что к этому времени подвинулось вперёд изучение истории белорусских земель. Известные достижения дореволюционной археологии позволили А. Спицыну наглядно представить «расселение древних русских племён по археологическим данным»⁷. Исследования В. Е. Даниловича⁸, М. В. Довнар-Запольского⁹ и П. Голубовского¹⁰ дали большой конкретный исторический материал для изучения исторических судеб предков белорусского народа.

Исследования В. Б. Антоновича¹¹ и М. К. Любавского¹² дали ценный материал для изучения внутренней и внешней истории великого княжества Литовского. Успехи в изучении истории белорусских земель позволили Е. Ф. Карскому поставить вопрос об этногенезе белорусского народа. Как сообщает Е. Ф. Карский, «главная масса предшественников славян в Белоруссии — литовцев и латышей — жила по Западной Двине (устье) и Неману и отдельными поселениями простиралась, постепенно уменьшаясь, иногда небольшими островками, на юге до левых притоков Припяти, а на восток, быть может, до Оки»¹³.

Отмечая движение славян «с юга (Припяти и её притоков) и запада, (быть может, с Западного Буга и Нарева), сначала к Неману, а отсюда до Западной Двины на севере и до Десны и Оки на востоке», Е. Ф. Карский указывает, что «славянам сначала пришлось занимать в литовской земле мелкие реки, а затем они потеснили прежних жителей на больших. На севере и востоке были отброшены и финские племена»¹⁴.

¹ Соловьёв С. «История падения Польши», «История России с древнейших времён». Тт. I, II, III. Изд. «Общественная польза», кн. 3-я.

² Беляев И. «История Пелтска или Северозападного края России от древнейших времён до Люблинской унии». М. 1872.

³ Коялович М. «Лекции по истории Западной России». СПб. 1864; 4-е изд. СПб. 1884.

⁴ Любавский М. «Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно». М. 1910; 2-е изд. 1915.

⁵ Дудкоу Д. «Аб развыццці капіталізму у Беларусі у 2 паловіне XIX і пачатку XX стгодзь». Менск. 1932.

⁶ Карский Е. «Белоруссия». Т. III. «Очерки словесности белорусского племени. Художественная литература на народном языке». П. 1922.

⁷ «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП), август 1899 года.

⁸ Данилович В. «Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV столетия». Киев. 1896.

⁹ Довнар-Запольский Е. «История Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия». Киев. 1891.

¹⁰ Голубовский П. «История Смоленской земли до начала XV века». Киев. 1882.

¹¹ Антонович В. «Монография по истории западной и югозападной России». Т. I. Киев. 1888.

¹² Любавский М. «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства во времена издания первого литовского статута 1529 года».

¹³ Карский Е. «Белоруссы». Кн. 1-я, стр. 63.

¹⁴ Там же.

Территория, занятая в настоящее время белоруссами, в период образования русского государства была заселена следующими славянскими племенами: дреговичами, кривичами, полочанами — ветвью кривичей — и радимичами. «Из перечисленных племён,—отмечает Е. Ф. Карский,—полностью вошли в состав белорусской территории только дреговичи и радимичи, значительной долей — кривичи, остальные племена только отчасти имели с ней соприкосновение»¹. К остальным племенам Е. Ф. Карский относит «северян, вятичей и даже некоторые литовские племена, например, ятвягов и голядь, которых в некоторых местах белоруссы ассимилировали». Не отрицает Е. Ф. Карский влияние финского этнического элемента на формирование белорусской народности на севере и северо-востоке².

Кроме того славяне были окружены латышами, литовцами и поляками. Белорусские племена объединились в XIII—XIV вв. под властью Литвы. В новых политических условиях происходит окончательное образование «белорусской народности» и формирование белорусского языка с заимствованиями из латышского и литовского языков. «Во времена литовского господства,—полагает Е. Ф. Карский,—может быть, независимо от него относится и появление термина «Белая Русь», заменившего прежние племенные названия, которые вследствие передвижений и смешения народностей уже, конечно, утратили своё значение»³.

Соображения Е. Ф. Карского относительно образования белорусской народности в результате смешения племён показывают, что Е. Ф. Карский понимал этот процесс как результат скрещения различных этнических славянских и неславянских элементов. Справедливо и другое соображение Е. Ф. Карского, что «белорусская народность образовалась в период литовского владычества». Но только одним этим нельзя объяснить образование белорусской народности. Е. Ф. Карский упустил из виду все социально-экономические процессы, которые способствовали смешению племенных элементов. Он оставляет открытым вопрос об окончательном сложении «белорусской народности» и формировании «белорусского языка» как двух параллельных процессах.

Несколько в ином аспекте представлял себе формирование белорусской народности известный лингвист и историк акад. А. А. Шахматов. Интересуясь проблемой образования русских наречий, А. А. Шахматов подошёл и к вопросу образования белорусской народности. Первые его работы по этим вопросам относятся к середине 90-х годов прошлого столетия, последняя — к 1919 году. На протяжении этого времени А. А. Шахматов, возвращаясь к той же проблеме, развивал и совершенствовал свою теорию. Последним словом А. А. Шахматова в этой области был труд «Древнейшие судьбы русского племени». По словам акад. Ю. В. Готье, эта работа А. А. Шахматова была «одной из последних и бесспорно самых блестящих по остроте научного анализа из его работ»⁴.

Будучи сторонником теории русской прародины и единства прарусского языка, А. А. Шахматов, однако, полагает, что уже в древнейший период прарусский язык распался на три части: говоры южнорусские, которые легли в основу малорусского наречия; среднерусские, в своей восточной ветви послужившие основой южновеликорусского наречия, а в западной — для белорусского; наконец, севернорусская часть прарусских говоров дала северовеликорусское наречие.

В 1910 г. А. А. Шахматов с большей точностью формулирует свой ранее высказанный взгляд по поводу образования белорусской народности. Он утверждает, «что в Северном Поднепровье в эпоху общерусского

¹ Карский Е. «Белоруссы». Кн. 1-я, стр. 65.

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 114.

⁴ Готье Ю. «Шахматов-историк». «Известия отделения русского языка и словесности». Т. XXV, стр. 271. Петроград. 1922.

единства различались три племенные группы: северная, отошедшая впоследствии к северу, восточная, отошедшая на восток, и западная, оставшаяся на прежних местах. Четвёртую группу составляли южные племена, занявшие Среднее, а затем Южное Поднепровье»¹. Впоследствии, под давлением кочевников, восточные руссы с востока стремятся к правому Поднепровью, где сливаются с оставшимися здесь племенами и образуют белорусскую народность².

В 1919 г. А. А. Шахматов решительно утверждает, что «общерусский праязык выделил из себя три наречия: южное, северное и восточное». В этом случае белорусское наречие теряет свою исконную, первоначальную самостоятельность, не является западной ветвью среднерусских говоров, а «соединением северной группы южного наречия с западной группой восточного»³.

В последних своих работах акад. А. А. Шахматов представляет передвижение славян в следующем виде: прародиной всех восточно-индоевропейских племён, в том числе славян, была Северозападная Россия — бассейн Балтийского моря. Славяне, по мнению А. А. Шахматова, занимали морское побережье и нижнее течение Западной Двины. Под влиянием движения готов на юговосток, примерно во II в. н. э., славяне также двинулись и заняли Повислинье до Карпат⁴. В связи с движением готов из Поднепровья на югозапад, к Дунаю, часть славян откололась от второй славянской прародины и двинулась на восток и юговосток, в страну, до тех пор занятую готами. После падения гуннской державы, во второй половине V в., славяне заняли пространство к северу от Нижнего Дуная и весь югозапад России. Это была прародина русского народа — территория антов, область между Прутом и Днепром. Анты же — предки Руси, то есть всего русского народа.

Появление аваров задержало антов на прежних местах жительства и остановило их дальнейшее расселение на восток и северо-восток, что способствовало образованию основного прарусского языка. Единое восточное славянство было разъединено крушением аварской державы. Авары, разгромленные Карлом Великим, отступая на восток, вызвали передвижение ляхских племён — радимичей и вятичей — на восток, в бассейн верхнего течения Днепра и к Оке. В связи с этим западная область восточнославянских поселений начинает ощущать на себе польское влияние⁵.

Под давлением «ляшских племён» племенная славянская группа Северного Поднепровья движется на восток, в бассейн Среднего и Нижнего Дона и на берега Азовского моря, откуда под натиском кочевников с востока она подвинулась на север, к Оке. Распад восточного славянства послужил основной причиной распада единого древнерусского языка на три наречия: великорусское, украинское и белорусское. — а также образования трёх народностей: великорусской, украинской и белорусской.

Таким образом, этнической основой белорусской народности является западнорусская ветвь восточного славянства, которая была автохтонной и после распада русско-восточнославянской прародины. С ней смешались «ляшские племена радимичей и вятичей», восточная группа славян, продвинувшаяся в Приднепровье с востока, и южнорусские элементы.

Переселением «ляшских» племён А. А. Шахматов объясняет появление в белорусском языке фонетических особенностей в виде так называе-

¹ Шахматов А. «К вопросу об образовании русских наречий и народностей». ЖМНП. 1899; Карский Е. «А. А. Шахматов как историк русского языка». «Известия отделения русского языка и словесности». Т. XXV, стр. 81.

² Карский Е. Указ. Соч. Кн. 1-я, стр. 81.

³ Шахматов А. «Очерк древнейшего периода русского языка». Пггр. 1915; Карский Е. Указ. Соч., стр. 31.

⁴ Шахматов А. «Введение в курс истории русского языка. Очерк древнейшего периода истории русского языка». Пггр. 1916.

⁵ Шахматов А. «Древнейшие судьбы русского племени». Пггр. 1919.

мого «дзекания» (дз). Он отмечает также наличие «ляшских особенностей» и в древнепсковском говоре и вообще в говоре кривичей.

Развивая положение П. Шафарика о единстве русского народа в его трёх ветвях: русской, украинской и белорусской,— А. А. Шахматов раскрыл процесс образования трёх народностей на единой этнической основе — восточнославянских племенах, в результате скрещения отдельных групп восточнославянских племён, известных по византийским источникам VI в. под именем антов. Если его теория о передвижении восточной славян из прибалтийской прародины не была принята в дореволюционной историографии, то и его соображения о том, что анты — предки всего русского народа, не отвечают современному состоянию в изучении данного вопроса. Антов следует признать лишь за южную ветвь восточного славянства. На славяно-антской основе образовался и единый русский язык с его местными говорами, которые можно рассматривать как праязыки русского, украинского и белорусского языков. Во всяком случае, если даже признать отдельные положения А. А. Шахматова недостаточно обоснованными, всё же его главные исторические положения являются отправным пунктом для всех исследователей вопроса об этногенезе белорусского народа.

Разрешением проблемы образования белорусского народа занимались и белорусские буржуазные националисты, пытавшиеся вопреки научным данным показать, что белорусы — отнюдь не восточные славяне, а западные, и такой постановкой вопроса оправдать свою контрреволюционную политическую ориентацию. Они извлекли из архива неудачные предположения П. Шафарика, будто велеты или лютичи были первоначальными насельниками Белоруссии. Эту версию пытались подкрепить археологическими и филологическими данными, мифологией и фольклором. А. Н. Ясинский, опубликовавший известное исследование «Два слова о велетах. К проблеме первоначального населения Белоруссии»¹, нанёс сокрушительный удар измышлениям буржуазных националистов. Он показал, что П. Шафарик допустил крупную ошибку, связав велетов, упоминаемых в народных верованиях, с какими-то велетами, или вильцами, или даже с подлинными лютичами. К такому правильному выводу пришёл добросовестный учёный в результате критического всестороннего изучения этой проблемы.

Проблема этногенеза белорусского народа коснулся и белорусский лингвист А. В. Богданович². Он справедливо считает предками белорусского народа кривичей, дреговичей и радимичей. Эти славянские племена находились в тесной связи со своими восточными и южными соседями — с другими славянскими племенами, влияние которых отразилось в языке белорусского народа, близком и к украинскому и к великорусскому языкам. Вместе с тем А. Богданович отмечает также влияние языка польских племён на белорусский язык. Самое формирование белорусской народности А. Богданович относит к периоду образования Белорусско-литовского государства. Выводы А. Богдановича в основном совпадают с обобщениями Е. Ф. Карского. Тогда же мои исследования показали, что белорусский народ образовался в результате скрещения нескольких племён. Подвинские и поднепровские кривичи, радимичи, дреговичи, частично древляне составили основное этнографическое ядро белорусского народа, окончательное образование которого относится к периоду существования литовско-белорусского государства. К этому же времени относится и формирование белорусского языка³.

¹ «Записки аддзелу гуманітарных наук». «Працы клясы гісторыі». Т. III. Менск. 1929.

² Богдановіч А. «Беларуская мова», стр. 39—40. Менск. 1917.

³ Пичета У. «Гісторыя Беларусі». Ч. 1-я, стр. 21. М. и Л. 1924.

Однако проблема образования трёх народностей: великорусской, украинской и белорусской — всё ещё оставалась неразрешённой, требующей пересмотра и научно-теоретического обоснования. Успехи советской исторической науки и советского языкознания облегчили этот пересмотр на основе марксистско-ленинской теории. Акад. Н. С. Державин в своей книге «Происхождение русского народа» попытался дать новое разрешение этого сложного вопроса.

Отмечая существование племенных группировок, представлявших собой «славянский субстрат» современного белорусского народа, акад. Державин в основном стоит на позициях А. А. Шахматова¹.

По мнению акад. Н. С. Державина, «в основе белорусского народа лежат племенные скрещённости южнорусских древлян со среднерусскими дреговичами и среднерусских радимичей с восточнорусскими вятичами, а также западная ветвь кривичей. Но на территории Белоруссии в древнейшие, дославянские времена жили племена не литовские и не славянские. На основе этих племён сложились зародыши протолитовских и протославянских племенных образований, давшие затем литовско-латышские и славянские племена; из последних вырос белорусский народ»². Таким образом, новейший исследователь этногенеза белорусской народности не пошёл дальше того, что было высказано Е. Карским и другими исследователями.

Вместе с тем акад. Н. С. Державин поддерживает «ляшскую» теорию А. А. Шахматова. «Западная группа кривичей, — пишет он, — была захлещнута волной племени радимичей, залившей собою всю Белоруссию, и усвоила некоторые черты его языка». Вслед за А. Шахматовым акад. Державин повторяет версию о ляшских особенностях древнепсковского языка³.

Вопрос об этногенезе белорусского народа был поставлен молодым белорусским исследователем Ф. Константиновым. Автор, как и Е. Карский, считает предками белорусского народа славянские племена дреговичей, кривичей и радимичей, а также и соседние племена древлян и ятвягов, о которых не упоминает акад. Н. С. Державин. Ф. Константинов не даёт глубокого исследования этногенеза белорусского народа, а ограничивается лишь кратким замечанием, что Белоруссия и Украина, оторванные после монголо-татарского нашествия от восточнорусских земель, входят в состав великого княжества Литовского, в рамках которого завершается процесс формирования белорусской народности, и «с XIV—XV вв., — полагает автор, — белоруссы выступают как народ, который имеет свой язык, культуру и национальный характер»⁴.

Так рассматривался вопрос об этногенезе белорусского народа в старой и новейшей историографии. Несмотря на то что этногенезом белорусской народности занимались весьма осведомлённые исследователи, как Е. Карский, А. Шахматов и Н. Державин, тем не менее эта проблема всё ещё ожидает своего разрешения в свете марксистско-ленинской теории.

Советской белорусской археологии, в частности Н. М. Поликарповичу, принадлежит величайшая заслуга перед археолого-исторической наукой. Она открыла палеолит на территории Белоруссии, существование которого отрицали дореволюционные археологи⁵. Две палеолитические стоянки свидетельствуют о том, что заселение Белоруссии нача-

¹ Державин Н. «Происхождение русского народа», стр. 90.

² Там же, стр. 81.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Константинов Ф. «Об находках белорусского народа». «Большевик Беларуси» № 1—2 за 1945 г., стр. 80, 66.

⁵ «Працы сэкцыі археалогіі». Т. III, стр. 153—162, 218—220. М. 1932.

лось так же рано, как и на других землях, занятых впоследствии восточнославянскими племенами.

В период господства металлов Белоруссия стала транзитной дорогой для южных купцов, направлявшихся к Балтийскому морю за янтарём. Так как в этот период, по справедливому мнению Е. Карского, «не было причин для передвижений целых народов, то можно предположить, что в рассматриваемой местности жили те же обитатели, которые населяли её в неолитическую эпоху, значительно продвинувшиеся в своей культуре»¹.

Первыми письменными свидетельствами о населении территории будущей Белоруссии являются данные Геродота, греческого историка V в. до нашей эры. Геродот упоминает о многочисленном народе будинов, у которых был деревянный город Гелонос, центр поселения выходцев из греческих колоний. Геродот отмечает, что жители Гелоноса говорили на языке скифском и эллинском; будины же говорили на ином языке и вели иной образ жизни. Геродот считает будинов автохтонами, народом-кочевником. Местность, которую занимали будины, изобиловала разнородными лесами. В обширнейшем из лесов находится озеро, окружённое болотами и тростником. В озере водятся выдры, бобры и другие животные. Можно считать, что будины занимали местности по Верхнему Днепру, Припяти и далее на восток, к верховьям Дона (Нидерле). К западу от будинов исследователи помещают геродотовых невров. Они заняли окрестности Западного Буга до р. Нурки и Нарева, а также по Верхнему Неману и отчасти по Припяти². Уже польский историк Иохим Бельский видел в неврах славян. Эта точка зрения разделялась и Н. М. Карамзиным, П. Шафариком, Л. Нидерле и Е. Карским и рядом других исследователей. П. Шафарик, Л. Нидерле, Е. Ф. Карский находят возможным и будинов отнести к славянам вопреки мнению Томашека, который считал их финнами³. Было бы ошибочным поставить знак равенства между будинами и славянами. А. Д. Удальцов рассматривает вопрос о будинах в иной плоскости. На основании исследований городецкой археологической культуры он предполагает, что будины жили на Средней Волге и по Оке. Поэтому А. Д. Удальцов вслед за Томашеком и Марром считает будинов предками мордвы (в основном). В связи с этим предположение Е. Карского о том, что будины были славянами, следует признать ошибочным. Ошибочным является и мнение акад. Н. С. Державина, который в будинах видит «протославян позднейших восточных, т. е. русских, славян»⁴.

Таким образом, южная и югозападная части территории, которая впоследствии стала известна под именем «Белоруссии», уже в VI в. были заняты славянскими племенами. Кем же были заселены северная и северо-западная части Белоруссии? Профессор Новороссийского университета А. Кочубинский посвятил этому вопросу специальное исследование — «Территория доисторической Литвы»⁵. Е. Карский, рассматривая названия рек и местностей, рекомендует относиться к географической номенклатуре «с величайшей осторожностью», настойчиво советует «исходить из фактов, а не подгонять факты к предвзятой теории»⁶. Он отмечает, что «при анализе географических названий надо отдавать предпочтение названиям рек, так как возникновение названий населённых мест относится к более позднему времени, чем названия рек, и кроме того названия населённых мест не так устойчивы, как названия рек»⁷. Соблюдая крайнюю осторожность в лингвистическом разборе данных топонимики, Е. Кар-

¹ Карский Е. «Белоруссы». Т. I, стр. 35.

² Там же, стр. 36—37.

³ Там же, стр. 37—33.

⁴ Державин Н. Указ. соч., стр. 19.

⁵ ЖМНП. Т. I за 1897 год.

⁶ Карский Е. Указ. соч. Кн. I-я, стр. 43.

⁷ Там же, стр. 48.

ский приходит к выводу, что «теперешнее русское население восточной половины Двины когда-то жило в некоторых местах попеременно с разными инородцами, передавшими свои имена рекам; в большинстве случаев это были латыши и литовцы. Кое-где по правым притокам Двины жили и некоторые финские племена»¹.

А. Кочубинский, определяя территорию доисторической Литвы, несколько упрощённо обращается с данными топонимики; Е. Карский вносит в его «панлитовскую теорию» значительные коррективы. Вопреки утверждению А. Кочубинского, что Неман является «архилитовской рекой», Е. Карский полагает, что Неман более, чем Западная Двина, может считаться нерусской рекой². Не отрицая, что «Неман—больше литовская, чем русская река», он отмечает, что река эта берёт начало в центре Белоруссии, Е. Карский считает наименование реки белорусским, а не литовским³. Что же касается притоков Немана, то, по мнению Е. Карского, «лишь немногие из них носят славянские названия»⁴. Если название реки «Березина» славянского происхождения, то «почти все её притоки носят литовские имена»⁵. Что касается притоков в верхнем течении Днепра, то, по мнению Е. Карского, многие названия их финского происхождения⁶.

Переходя к лингвистическому анализу названий притоков Сожа, Е. Карский отмечает наличие литовских и славянских названий⁷. Равным образом и многие названия притоков реки Десны славянского происхождения⁸. Лингвистический анализ названий рек позволил Е. Карскому прийти к очень ценному выводу. Вопреки А. Кочубинскому, он считает, что «о сплошных поселениях литовцев и латышей от устьев Немана и Двины до верховьев Оки уже потому не может быть речи, что литовцев было мало»⁹.

Таким образом, в северной и северо-западной части Белоруссии находились литовские и славянские элементы. Акад. Н. С. Державин также отмечает, «что в древнейшие, дославянские времена территория Белоруссии была населена племенами нелитовскими и неславянскими. На основе этих племён сложились зародышевые протолитовские и протославянские племенные образования, давшие затем литовско-латышские и славянские племена; из последних вырос белорусский народ»¹⁰.

Современные археологические данные подтверждают наблюдения Е. Ф. Карского и Н. С. Державина. Они говорят о древнем поселении здесь славян попеременно с литовцами и отчасти финнами. По мнению Е. Ф. Карского, литовские поселения на юге простирались до левых притоков Припяти, реки славянской.

Эта частично славянская, но в основном литовская и отчасти финская территория постепенно занималась славянскими элементами, просачивавшимися на север, северо-запад и северо-восток. Это распространение славянских элементов на территории Белоруссии отмечено нашим летописцем. В его время вся территория Белоруссии была уже славянской или с преобладающей массой славянского населения, среди которого растворились неславянские этнические элементы. Акад. Ю. Готье полагает, что в результате проникновения славянских элементов на северные территории Белоруссии литовцы были отеснены на северо-запад¹¹.

¹ Карский Е. Указ. соч. Кн. 1-я, стр. 47.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Там же, стр. 50.

⁵ Там же, стр. 56.

⁶ Там же, стр. 57.

⁷ Там же, стр. 59.

⁸ Там же, стр. 59—60.

⁹ Там же, стр. 61.

¹⁰ Державин Н. Указ. соч., стр. 118.

¹¹ Готье Ю. «Железный век в Восточной Европе», стр. 217.

Начальная летопись упоминает о трёх славянских племенах на территории Белоруссии: дреговичах между Припятью и Двиной, кривичах-полочанах по среднему течению Западной Двины, кривичах по верховьям Западной Двины, Волги и Днепра и о радимичах по р. Сожу, за Днепром к востоку от дреговичей. По словам летописца, радимичи и соседние с ними вятичи, живущие по Оке, были выходцами из Ляхии. «Радимичи бо и вятичи отъ ляхов Бяста до двѣ брата в Лясах, Радимь, а другой — Вячко и пришедьша седоста Радим на Съю и прозавшася Радимичи, а Вячко седе съ родом своим по Оце, от него же прозавшася Вятичи»¹.

Ряд дореволюционных исследователей не придавал никакого значения этому летописному сообщению. Д. И. Багалея считает его «домыслом» летописца², М. С. Грушевский также не придаёт значения «летописной генеалогии, выведившей радимичей «от рода ляхов», возможно, что тут также заключался какой-нибудь «укор» или простое недоразумение»³, — говорит он.

Между тем А. Шахматов на основе летописного сообщения создал целую теорию о ляхском происхождении радимичей и вятичей. Свои утверждения А. Шахматов обосновывает одними филологическими соображениями, совершенно недостаточными для разрешения поставленной им сложной проблемы⁴. В частности А. Шахматов объясняет особенности белорусского языка влиянием польских говоров. Он отмечает наличие некоторых «ляшских особенностей» и в древнепсковском говоре и вообще в говоре кривичей.

Смелая, но ошибочная гипотеза А. Шахматова была встречена отрицательно большинством исследователей. Акад. Ю. В. Готье в своей критике гипотезы А. Шахматова отметил, что «памятники археологические не дают основания допустить такое «необыкновенное перемещение племён»⁵. Б. А. Рыбаков в специальной монографии рассмотрел вопрос о радимичах, с исчерпывающей полнотой осветил быт и культуру этого племени и показал, что археологический вещественный материал курганов радимичей является общеславянским⁶.

Акад. Н. С. Державин также стоит на позициях А. Шахматова. «Западная группа кривичей была захлестнута волной племени радимичей, залившей собою всю Белоруссию, и усвоила некоторые черты его языка». Вслед за А. Шахматовым акад. Н. С. Державин повторяет версию о ляхских особенностях древнепсковского языка⁷.

Несколько иначе понимает летописное известие Е. Карский. По его предположению, радимичи жили «к западу от дреговичей, в непосредственном соседстве с ляхскими племенами». «Не думаю, — пишет Е. Карский, — чтобы они действительно были ляхского происхождения: язык их чисто русский, быт и поэзия — тоже; одно дзяканье связывает их с ляхами, да и то только радимичей, но дзяканье свойственно и другим белоруссам дреговичского и кривичского происхождения»⁸. Выражение летописца «радимичи и вятичи от ляхов», полагает Е. Карский, следует понимать в географическом смысле, как «жившие по соседству с ляхами»⁹. Е. Карский ограничивается только указанием на переселение радимичей «далеко на восток». Во всяком случае, после работ Ю. В. Готье и Б. А. Рыбакова нельзя принимать всерьёз теорию А. Шахматова.

¹ «Повесть временных лет».

² Багалея Д. «История Северной земли до половины XIV века», стр. 10.

³ Грушевский М. «Киевская Русь», стр. 223. СПб. 1911.

⁴ Шахматов А. «Древнейшие судьбы русского племени», стр. 37—39. СПб. 1919.

⁵ Готье Ю. «Железный век в восточной Европе», стр. 213—219.

⁶ Рыбаков Б. «Радимичи». «Праці сэцкыі археалогіі». Т. III, стр. 81—152. М. 1932.

⁷ Державин Н. Указ. соч., стр. 90—91.

⁸ Карский Е. Указ. соч. Кн. 1-я, стр. 71—72.

⁹ Там же, стр. 72.

Радимичи были исконно восточнославянским племенем, а не одним из «ляшских» племён, как утверждает Шахматов, оторвавшимся от прочих ляшских племён в связи с движением аваров на восток.

Е. Карский верно отметил, что «дреговичи, полоцкие кривичи» легли в основу белорусской народности, и это мнение первого исследователя, занявшегося её этногенезом, является общепризнанным в этногенетической литературе.

На территории Белоруссии, занятой предками белорусской народности, можно проследить глубокие изменения и в их общественно-политическом быту. Археологические данные свидетельствуют о перерастании первобытно-общинного родоплеменного строя в объединение территориального характера. «Повесть временных лет» отметила уже совершившийся распад племенного строя и зарождение территориальных объединений, «по своей сущности политических», как справедливо отметил акад. Б. Д. Греков¹. Она упоминала о наличии отдельных княжеств у дреговичей и полоцких кривичей. Только радимичи не имели своего отдельного княжества, но и у них, как показывает Б. А. Рыбаков, согласно археологическим данным, происходил тот же процесс распада родового строя и формирование территориальных объединений².

Возникновение территориальных объединений-княжеств было первым ударом по родоплеменному строю. Родовые кровные связи стали заменяться связями по соседству. В. О. Ключевский, создавая теорию городских областей, объединившихся впоследствии под властью киевских князей, также отметил, что в состав их населения вошли разные славянские племена и что это было ударом по племенной организации. Теория городских областей В. О. Ключевского не нашла поддержки в советской историографии, но мысль его о распаде племенных объединений и замене их новыми территориальными объединениями была, безусловно, правильной. Её можно проверить на основе изучения состава и изменений территории отдельных княжеств, созданных предками белорусского народа. Распад одних племён и политическое объединение частей других племён содействовали скрещению отдельных протобелорусских элементов и образованию нового этнического типа со включением в него и неславянских элементов — литовско-латышских и отчасти финских, на территории которых распространялась власть князей. Политические условия часто приводили к переходу земель из сферы влияния одного княжества под власть другого, что, естественно, производило ещё большие изменения в племенном составе, стирая всякие различия между отдельными племенами.

Возникновение городов — наглядный показатель распространения племенной сферы влияния. Известия летописи о тех или других городах появляются сравнительно поздно, и поэтому дату летописного известия о том или другом городе нельзя считать годом основания города.

Южной границей дреговичских поселений был левый берег реки Припяти. Но дреговичам принадлежали и некоторые города на её правом берегу. В земле собственно древлян им принадлежали города Мозыры, Туров, Пинск и в земле волян — Берестье при впадении реки Муховца в Западный Буг. На северо-западе и западе дреговичи сталкивались с литовскими племенами — ятвягами.

Дреговичское проникновение на северо-запад и запад было связано с походом русских князей против ятвягов, которые вынуждены были отступить на север Беловежской Пуши, в бассейн Нарева и Бобра³.

¹ Греков Б. «Киевская Русь», 4-е изд.

² Рыбаков Б. «Праця...», стр. 19.

³ Любавский М. «Літва і славяне у іх узаемаадносінах у XI—XII стагоддзі», стр. 6. М. 1926.

Юго-западная граница дреговичей не доходила дальше города Дрогичин на реке Западный Буг, откуда она направлялась к верхнему течению Немана, к городу Гродно, захватывая всё верховье Вилии¹. Северная граница дреговичских поселений проходила недалеко к северо-западу от Полоцка. Однако часть территории дреговичских поселений — земли на Березине — была оторвана от своего племенного ядра и входила в область Полоцкого княжества. Поэтому Е. Барсов считал, что дреговичская территория ограничивалась территорией Припяти с главными городами Туровом и Пинском. В. Завитневич, наоборот, исходя из общности похоронного обряда, считает земли по р. Березине дреговичскими. К этому мнению присоединяется и М. С. Грушевский². Наконец, дреговичское проникновение в земли ятвягов встретилось с потоком волынской колонизации.

Таким образом, на территории Турово-Пинской земли встретились дреговичи — основная масса населения, — частично древляне и волыняне и, наконец, литовские ятвяги.

Таким же разнообразным в племенном отношении было и Полоцкое княжество. Оно охватывало территорию полоцких кривичей (полочан) по среднему течению Западной Двины, кривичские поселения по верховьям Западной Двины (Витебск, Усвят), часть поселений днепровских кривичей (Дрютеск, Борисов, Логокжск, Изяславль) и земли дреговичей по р. Березине.

Влияние полоцких князей распространялось на землю латышей по нижнему течению Западной Двины, а на юго-западной границе полоцкие кривичи встречались с литовцами.

«Повесть временных лет» отмечает, что радимичи жили на левой стороне Днепра, в бассейне р. Сожа. По мнению М. Грушевского, радимичи — «племя, повидимому, небольшое или слабое, не игравшее сколько-нибудь заметной политической или культурной роли»³. Радимичи не имели своего отдельного княжества. Они были разделены между двумя другими княжествами. Верховье Сожа принадлежало к кривичскому Смоленску, тогда как среднее и нижнее течение Сожа с городами Гомь (Гомель) на нижнем Соже тяготело в начале XII в. к Черниговскому княжеству⁴. На своей территории радимичи встречались с северянами, а к востоку — с вятичами. Наконец, верхнеднепровские кривичи, отделившиеся от полоцких, с течением времени образовали отдельное княжество со включением в его состав территории верхнесожских радимичей.

Таким образом, предками белорусского народа были следующие древнерусские племена: дреговичи, радимичи и кривичи. Эти основные «предки белоруссов» встретились на юге с южнорусскими древлянами, на западе — с южнорусскими волынянами, а на востоке — с русскими — вятичами. Кроме того на западе и северо-западе они сталкивались с неславянскими племенами: ятвягами, верхней Литвой и латышами, а на севере и северо-востоке — с финнами.

На основе племенных скрещений из племенных славянских элементов образовалось пять этнических добелорусских центров.

Южный — в бассейне Припяти в основе с дреговичскими элементами южнорусских древлян и волынян и неславянских элементов — литовско-ятвяжских. Было бы неправильным предполагать, что весь ятвяжский народ отошёл на север Беловежской Пущи под давлением русских с востока. Поэтому методологически было бы ошибочно не учи-

¹ Довнар-Запольский М. «История кривичской и дреговичской земель до конца XII ст.», стр. 2. Киев. 1891.

² Грушевский М. Указ. соч., стр. 222.

³ Там же, стр. 225.

⁴ Рыбаков Б. Указ. соч., «Правцы...», стр. 120.

тывать литовско-являжские племенные элементы при формировании белорусского народа.

Другое этническое ядро охватывало бассейн среднего, верхнего и отчасти нижнего течения Западной Двины, бассейн среднего течения р. Березины, пересекая бассейн р. Друти, притока Днепра. На востоке оно включало верхнеднепровские кривичские племенные элементы, с запада граница поселений проходила от верховьев Немана с пересечением его притока Вилии, а затем на север, приближаясь к устью реки Западная Двина. В состав этого ядра входили западнодвинские кривичи, полочане и кривичи со включением северодреговичской территории и отчасти литовско-латышских и финских племенных элементов.

Третье ядро охватывало верхнее Поднепровье с племенным кривичским элементом в основе, частично в его состав входили верхнесожские радимичи.

Четвёртое этническое ядро, известное под именем Чёрная Русь, охватывало территорию бассейна верхнего Немана. На этой территории встретились полоцкие кривичи, припятские дреговичи и литовские племена.

Наконец, пятое этническое ядро, так называемая Берестейская земля, с городами Берестье, Бельск, Мельник, Дрогичин, Кобрин и Каменец, представляло собой область, где колонизация дреговичей встретилась с вольнской колонизацией.

Поэтому было бы ошибочным считать, что только «племенные скрещения южнорусских древлян со среднерусскими дреговичами, среднерусских радимичей с восточнорусскими вятичами и часть кривичей представляют собой славянский субстрат современного белорусского народа и белорусского языка во всём разнообразии его наречий и говоров»¹.

Первоначальные территориально-политические образования северо-западных русских славян объединились в X в. под властью киевских князей и таким образом составили одну из частей территории Киевского государства, охватывавшего все восточнославянские земли. Однако эта политическая связь северо-западной Руси с Киевским государством была подорвана выделением Полоцкого княжества в X в. из-под власти киевских князей. В период феодальной раздробленности выделились Турово-Пинское и Смоленское княжества, в которых в свою очередь также установилась феодальная раздробленность. Таким образом, развитие феодальных отношений и феодальная раздробленность поддерживали политическую, а вместе с тем приводили к этнической обособленности одних земель от других. В условиях господства натурального хозяйства и слабого развития обмена обособленность земель друг от друга должна была сохраняться, что, разумеется, не могло не задерживать этническую консолидацию на всём протяжении северо-западной Руси. В период феодальной раздробленности происходит скрещение местных славянских и неславянских этнических элементов, что придавало каждому этническому смешанному району известное единство. Благодаря этому на основе общерусского языка стали формироваться отдельные местные говоры, наличие которых было отмечено А. И. Соболевским², А. А. Шахматовым³, Е. Ф. Карским⁴. Последний под влиянием лингвистических исследований своих предшественников отмечает, что по языку полоцкие и смоленские кривичи несомненно отличались от дреговичей и радимичей. Вероятно, были отличны по языку полоцкие кривичи и дреговичи Чёрной Руси, и, конечно, было отлично по говору население Берестейской земли, где южнорусские вольские говоры перемешивались с говорами дреговичей.

¹ Державин Н. Указ. соч., стр. 90.

² Соболевский А. «Лекции по истории русского языка». СПб. 1911.

³ Шахматов А. «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей». ЖМНП, апрель 1899 года.

⁴ Карский Е. Указ. соч., стр. 93.

Нельзя, разумеется, не учитывать и влияния, правда второстепенного, неславянских говоров. Таким образом, в период феодальной раздробленности область, сложная по своему этническому составу, естественно, имела свои говоры с различными фонетическими или морфологическими оттенками, достаточно наглядно описанными Е. Ф. Карским¹.

Наличие местных говоров свидетельствует и об известном этническом обособлении, хотя последнее не могло быть значительным в этот период. Тем не менее в этом начавшемся этническом обособлении можно усматривать начальный процесс в образовании белорусской народности. Впрочем, политические условия северо-западных русских княжеств отнюдь не благоприятствовали развитию процесса этнического обособления. Так, Полоцкое княжество, достигшее наибольшего политического значения при Всеславе, постепенно разделяется на множество мелких самостоятельных феодальных владений, которые часто враждуют между собой.

Несмотря на феодальную раздробленность и начавшуюся этническую обособленность сохранялось культурное единство всей русской земли. Феодальная культура в северо-западной Руси была такой же, как и в северо-восточной и южной Руси: Евфросиния Полоцкая, внучка полоцкого князя Всеслава, приняв монашество, посвятила себя переписке книг. Известный церковный деятель Климент Смолятин (умер в 1147 г.), автор дошедшего до нас «Послания», стоит на почве византийско-киевской образованности. На той же культурной почве стоял и Кирилл Туровский (умер в 1182 г.), автор семи поучений и 27 молитв. Известное «Слово о полку Игореве», поэтическое произведение, — памятник общерусского происхождения.

Возникнув на стыке северо-западной и юго-восточной ветви восточного славянства, «Слово о полку Игореве» содержит слова, впоследствии бытовавшие в белорусском языке. Язык «Слова» — наглядный показатель той общерусской языковой основы, на которой образовались языки трёх ветвей единого русского народа: великорусского, белорусского и украинского. Вот несколько наугад взятых слов из «Слова» и их бытование в современном белорусском языке: «лепо» — лепей, «почать» — пачаць, «братие» — браты, «повесть» — повесць, «хотяше» — хацеу, «земля» — зямля, «зареза» — забіць, «пачнем» — пачнѐи, «напѣльнѣвѣя» — напаянѣўся, «в'сядем» — узьсядем, «хошчу» — хачу, «прѣломѣти» — паламаць, «луче» — лунча, «буря» — бура, «ржют» — іржудь, «спѣти» — напѣта, «галіці» — галіцы, «трубятъ трубы» — трубяць трубы, «стязі» — сьцягі, «одін» — адзін, «чѣстому полю» — на чѣстым полі, «д'лго» — даўга, «запала» — западае, «покрыла» — пакрывае, «заря» — свет, сьвятло, «невесѣлая година» — невясѣлая гадзіна, «дьякы» — дзевак, «не кресѣти» — не ўваскрасіці и т. д.

Русская Правда — памятник феодального права XI—XII вв. — с её нормами уголовного права была источником для договора смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 года. Договор 1229 г. — наглядный показатель общности юридических норм в области уголовного права с нормами Русской Правды, не говоря уже о единстве официального языка и юридической терминологии. Оба памятника знают системы композиции — вознаграждение за совершённое уголовное деяние. Таким образом, в период феодальной раздробленности сохранялось культурное единство Русской земли. Сохранился и единый литературный язык, столь ярко отражённый в Русской Правде.

В условиях расширения экономических связей и укрепления политического единства должен был завершиться процесс скрещения отдель-

¹ Карский Е. Указ. соч., стр. 92, 109.

ных славянских и неславянских элементов в этническое единство, а вместе с тем на базе местных говоров образовался единый язык с его морфологическими и фонетическими особенностями.

Этническое и культурное единство Руси сохранилось вплоть до татаро-монгольского завоевания, когда произошёл, по меткому выражению В. О. Ключевского, разрыв народности и исторические судьбы северо-западной Руси сложились иначе, чем северо-восточной.

В период феодальной раздробленности политическая конфигурация северо-западной Руси (Белоруссии) представляется в следующем виде. В бассейне среднего и верхнего течения Западной Двины определились Полоцкая и Витебская земли как отдельные княжества. Территория Полоцкого княжества по сравнению с XII в. несколько сократилась, так как в результате агрессии Ордена меченосцев в начале XIII в. из сферы влияния Полоцкого княжества вышло нижнее течение Западной Двины. Оба княжества находились под угрозой немецкой агрессии, борьба против которой заставляла эти княжества стремиться к сближению. Экономическое развитие обоих княжеств в значительной степени зависело от развития внешней торговли по Западной Двине, но вследствие захвата устья Западной Двины торговля эта должна была прекратиться. В бассейне верхнего Днепра политически окрепло Смоленское княжество, экономически оно также было связано с западнодвинским бассейном. В борьбе против немецкой агрессии установился протекторат смоленского князя над двумя подвинскими княжествами, благодаря которому была остановлена попытка немецких агрессоров установить своё влияние в среднем течении Западной Двины.

Из Полоцкого княжества выделилась группа феодальных владений в бассейне среднего Днепра и его притоков — Сожа и Березины. Среди них наиболее крупным было Минское княжество. Отдельный экономический и политический комплекс представляло собой Турово-Пинское Полесье в бассейне р. Припяти, также разбившееся на несколько отдельных княжеств. В конце XII и начале XIII в. Турово-Пинское Полесье политически тяготело к Турову и в половине XIII века находилось в черте влияния галицко-волыньских князей. Берестейская земля, сохранявшая территориальное единство, в половине XIII в. также находилась в сфере влияния волыньских князей. Наконец отдельный политико-экономический комплекс представляла собой Чёрная Русь с городами Слонимом, Новгородом, Волковыском, Здитовым и Городно. Весь этот комплекс земель в течение XIII—XIV вв. вынужден был признать суверенитет литовского князя.

В. Б. Антонович высказал предположение, будто все северо-западные и юго-западные русские земли были завоёваны литовскими князьями. М. К. Любавский, наоборот, считал, что часть князей-феодалов добровольно признала суверенитет литовского князя¹.

Не касаясь этих разногласий по существу, необходимо отметить, что немецкая агрессия на Литву и Подвинье и угроза со стороны монголо-татар толкали Литву на союз с русскими областями. Агрессия с запада и угроза с востока, в свою очередь, заставляли феодальные русские княжества искать опоры в молодом литовском государстве.

Распространение власти литовских князей на всю территорию западной Руси — факт большого политического значения. Политическое единство, конечно, должно было содействовать взаимному общению и скреплению ранних славянорусских этнических элементов, на базе которого и образовался белорусский народ. Было бы ошибочным объяснять образование белорусского народа только политическим объединением за-

¹ Любавский М. «Областное деление и местное управление», стр. 12, 23, 28, 31.

падной Руси в пределах литовского государства. Этой точки зрения придерживались Е. Ф. Карский и его последователи. Ведь литовское государство не было централизованным государством. Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская пользовались достаточно широко внутренней автономией, тогда как Полесье, Среднее Поднепровье, Минщина были более тесно связаны с основными литовскими землями. Федеративный характер литовского государства в основном сохранял его феодальную раздробленность и не мог не задерживать формирование нового этнического элемента — белорусского народа. Тем не менее процесс слияния этнического множества в единое этническое целое продолжался. Немецкая агрессия, с одной стороны, и развитие экономических связей между отдельными областями — с другой, были важнейшими факторами, ускорившими образование белорусской народности.

Тевтонский орден потерпел неудачу в своей агрессии как против собственно Литвы, так и против Подвинья с его центром — Полоцком.

15 июля 1410 г. Тевтонский орден был разбит объединением славянских народов. В этой битве, как известно, принимала участие вся Литовская Русь, стойкость и мужество трёх смоленских полков были решающим фактором, определившим исход битвы. Но и после заключения мира в Торуни в 1411 г. борьба между Литвой и Орденом продолжалась. Только в 1422 г., после заключения мира в Мельно, борьба прекратилась, поскольку Витовту, великому князю литовскому, удалось добиться от Ордена окончательного присоединения Жмуди к Литве¹. Тем не менее Орден продолжал оказывать экономическое давление на Подвинье; Полоцку и Витебску вместе со Смоленском приходилось отражать экономический натиск немцев. Эта борьба с немцами содействовала объединению земель и развитию национального самосознания белорусского народа.

Феодальное хозяйство, оставаясь в своей основе натуральным, постепенно втягивается в товарные отношения. Возникают отдельные городские центры, экономически связанные с прилегающими районами. Великое княжество Литовское установило торговые отношения с Западной Европой, Крымом и русским государством, но для его экономического развития основное значение имел западный рынок, который потреблял главным образом сельскохозяйственное сырьё Руси. Территория Руси разбивается на отдельные экономические районы, тяготеющие к тому или другому городскому центру. На территории Белоруссии крепились экономические связи, создавались предпосылки для образования широкого внутреннего рынка. Подвинье и верхнее Поднепровье с Полоцком, Витебском и Смоленском представляли собой один экономический район. Бассейн рек Припяти и Западного Буга тяготел к Берестью. Минск вёл оживлённую торговлю с Вильной. Минские кулцы приезжали на ярмарки Полоцка, Вильны, Берестья. С Минском экономически были связаны Смоленск и всё верхнее Приднепровье. Гродно было связано со всем понеманским бассейном, а также и с Берестьем. Экономические связи уничтожали обособленность земель и содействовали их взаимному сближению.

Известным показателем роста экономических связей на территории Белоруссии является развитие городов и превращение их в отдельные административно-хозяйственные единицы с предоставлением им автономии в рамках так называемого магдебургского права.

Если в конце XIV в. магдебургскими стали города, расположенные в западной части великого княжества Литовского — Вильна, Берестье, Гродно, — то в конце XV в. получают автономию города, расположенные дальше к востоку: Минск, Полоцк и Дрогичин, — ставшие, таким образом, автономными городскими общинами. Экономически развиваясь, го-

¹ Барбанчев А. «Витовт. Последние двадцать лет княжения», стр. 203 — 237. СПб. 1891.

рода освобождались от великокняжеского присуда и становились «магдебургиями». Так в начале XVI в. стали магдебургскими Мельник в Берестейской земле и Новгородок.

В конце XV и начале XVI в. изменилось экономическое лицо великого княжества Литовского. Крупные феодалы и сам великий князь как крупнейший землевладелец становятся поставщиками сельскохозяйственного сырья. Землевладельцы стремятся к подъёму своего сельскохозяйственного производства и увеличению доходности имения, что расширяло и углубляло феодально-крепостнические отношения. Так на базе общего экономического оживления и роста экономических связей между отдалёнными областями исчезла обособленность отдельных районов и создавалось представление об этническом единстве, о «русском народе», составлявшем большую часть населения великого княжества Литовского.

Территория, занятая «русским народом», официально именовалась Русью. За пределами великого княжества Литовского территория Руси известна была под именем Белой Руси. Этот термин входит в употребление с половины XIV века¹. Он был знаком польским писателям, им пользовался Тевтонский орден в официальной переписке. При Иване Васильевиче III термин «Белая Русь» уже стал обычным в дипломатической переписке.

Много догадок было высказано относительно происхождения этого термина, но этот вопрос всё ещё остаётся невыясненным. Может быть, справедливо предположение Е. Ф. Карского, что эпитет «Белая Русь» объясняется внешним видом белорусов: в большинстве случаев они одевались в белые свитки. Вероятно и другое предположение, что термин «Белая Русь» означает «вольная Русь», свободная от монголо-татарской власти. А. Н. Ясинский в одном из своих неопубликованных докладов отметил, что этот термин возник сначала в одном из западных уголков Великодержавии, в районе г. Бельска, где встречается много топонимических наименований с суффиксом «бел». Впоследствии этот локальный термин стал общераспространённым и применялся для обозначения Западной Руси.

Однако и эта догадка — только одна из очень остроумных гипотез. Какое бы ни было его происхождение, употребление термина «Белая Русь» свидетельствует о том, что вся территория Руси уже была единой в этническом отношении. Когда «русские» (белорусские) земли оказались в составе литовского государства, они своей высокой феодальной культурой оказали сильное влияние на Литву. В Литве получило распространение феодальное право, представленное кодексом, известным под именем «Русская Правда». Русский язык стал языком официальным. Он остался им и позднее, когда литовская феодальная верхушка после заключения унии Литвы с Польшей в 1386 г. оказалась в сфере влияния католической церкви и польской феодальной культуры. Уния Литвы с Польшей, уничтожившая самостоятельность великого княжества Литовского, была отрицательно встречена русской и литовской феодальной верхушкой. Совместными усилиями они добились восстановления великого княжества как отдельной государственно-правовой единицы по городельской унии 1413 года. Хотя юридически оно осталось в вассальных отношениях к польскому королю Владиславу — Ягелло.

Это был большой политический успех литовских и русских феодалов. Однако в привилее 1413 г., выданном Ягелло литовской знати, была вставлена статья, неприемлемая для феодалов Руси: она лишила православных права заседать в великокняжеской раде (совете) и занимать должности по центральному управлению. Таким образом, русские феодалы оказались ограниченными в своих политических правах. Не примирившись с ограничением своих прав, русские феодалы приняли уча-

¹ Карский Е. Указ. соч., стр. 114—118.

стие в борьбе Свидригайлы против Сигизмунда Кейстутовича, ставленника Ягеллы и литовской знати¹.

Борьба эта не увенчалась успехом, но Ягелло и Сигизмунд были вынуждены и на русских феодалов распространить гражданские права, которые были представлены литовской феодальной знати (привилеи 1432 и 1434 гг.). В начале правления Казимира (1440) против литовского владычества возстало население Полоцкой, Витебской и Смоленской земель, и новый великий князь вынужден был выдать привилеи, которыми подтверждались феодальная автономия этих земель². Правительство Казимира, католическое в своей основе, пыталось ввести церковную унию, но этот акт давления на русскую народность был встречен враждебно, и попытка ввести унию провалилась. Стремление русских феодалов освободиться от власти Литвы и воссоединиться с северо-восточной Русью вызвало заговор князей в 1481 г., раскрытый литовским правительством. Два князя, возглавлявшие заговор, были казнены, а третий нашёл убежище в Москве³. Ввиду напряжённых отношений между великим княжеством Литовским и русским государством Сигизмунд I (1506—1547) вынужден был в 1509 г. выдать православной церкви привилеи, подтверждающие её старинные права и преимущества. Вся эта длительная борьба была известным показателем роста самосознания белорусского народа, этнически единого в религиозном и культурном отношениях. Это была борьба за сохранение своей белорусской народности.

Великое княжество Литовское было многонациональным феодальным государством (литовцы, жмудины, евреи, татары), в котором Русь территориально и численно занимала преобладающее место. Русь оказывала значительное культурное влияние на Литву, главным образом на феодальную литовскую верхушку, всё же она не только этнически, но и в культурно-бытовом отношении отличалась от Литвы. Это отличие поддерживалось федеративным укладом литовского государства. Белорусские земли составляли основу экономической мощности великого княжества Литовского, это только усиливало значение Руси в его составе. Северо-западные русские земли вошли в состав великого княжества Литовского с развитыми уже феодальными отношениями, тогда как в Литве только начинался процесс их становления. Политические отношения литовских феодалов с русскими землевладельцами крайне обострились. Литовские феодалы пытались ограничить политические права русских землевладельцев в силу их религиозной принадлежности, наступая на русских феодалов. Литовская знать наступала на русскую народность вообще, ибо на данном этапе общественно-политического развития русские феодалы выступали как представители интересов русской народности. Однако юридическое уравнивание в гражданско-правовом отношении литовских и русских феодалов явилось началом сближения их между собою на основе общности классовых интересов. Поэтому на крестьянские и городские массы ложилась вся тяжесть борьбы за сохранение своей народности против шляхетско-католической агрессии.

Формирование белорусского языка с его фонетическими и морфологическими особенностями происходило параллельно процессу этногенеза белорусского народа.

Е. Ф. Карский — всеми признанный авторитет в области белорусского языка — всесторонне рассмотрел и фонетические и морфологические особенности русского языка, поскольку они нашли отражение в тех или других литературных памятниках. Однако формальный метод, применяемый Е. Ф. Карским, позволяет составить только некоторое представле-

¹ Любавский М. «Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно», стр. 60 — 66. М. 1910.
² Там же, стр. 68 — 70.
³ Там же, стр. 189.

ние об истории белорусского языка. Е. Карский полагает, что все особенности белорусских говоров сложились в XIII в., что, разумеется, правильно; однако этим ещё не разрешается вопрос о формировании языка, который мог образоваться только в результате закончившегося формирования этнического единства. Ведь скрещение отдельных этнических элементов, слияние их в этническом единстве влечёт за собой образование единого языка с его разнообразными говорами. Образование белорусского языка — последний этап в процессе этногенеза белорусского народа. Е. Карский отрицательно относится к гипотезе А. Шахматова о влиянии ляхских говоров на фонетические особенности белорусского языка. Отрицая гипотезу А. Шахматова, Е. Карский пришёл к выводу, что возникновение особенностей белорусского языка — это процесс внутренних, самостоятельный. В основе белорусского языка лежало среднерусское наречие дреговичей, полочан и радимичей, но в состав белорусского языка вошли восточнорусские (великорусские) и южнорусские (украинские) элементы — восточнорусское «ёканье» и южнорусская «мягкость». Южнорусские элементы весьма значительны в юго-западной части Белоруссии, что дало основание Е. Ф. Карскому, а за ним украинским буржуазным националистам считать весь этот район украинским, а не белорусским. Эта ошибка допущена Е. Карским на его этнографической карте Белоруссии. Действительно в юго-западной части Белоруссии дреговичская колонизация встретилась с вольнской. Скрещение дреговичских и белорусских элементов привело к созданию особого южнобелорусского говора, отнюдь не чисто украинского, подобно тому как восточнорусские говоры сближаются с западнорусскими. Изучение Писцовой книги Гродненской экономии второй половины XVI в. показывает несостоятельность концепции Е. Карского и его сторонников националистического украинского лагеря. В Писцовой книге даны имена домохозяев — украинцев и белоруссов, — привязанных к одному земельному участку. В Писцовой книге отмечено деревень со сплошным украинским населением. Оно перемешано с белорусским. Помимо того весь этот район находился всегда в сфере влияния белорусской, а не украинской экономики. Он был связан прочными экономическими нитями со всеми районами Белоруссии и почти не был связан с Вольньёю. Изучая словарь белорусского языка, Е. Карский отмечает много заимствований отдельных слов из языка соседних нерусских народов.

На основе формировавшегося белорусского языка стал создаваться литературный язык того времени. Это был язык официальных документов, выходивших из канцелярии великого князя литовского, создателями которого были её писцы и в основе которого лежат древнерусские и белорусские языковые элементы с преобладанием первых над вторыми и с проникновением в дальнейшем в него польских элементов. Формировавшийся язык письменности был вместе с тем и языком господствующего феодального класса.

Тем не менее сохранившиеся памятники литературного языка, генетически идущего с XIII в., — различные официальные документы, грамоты, литературные и юридические памятники XV—XVI вв. — представляют превосходный фактический материал для изучения истории белорусского языка и его звуковых особенностей. Уже во второй половине XV в. речевой словарь достаточно богат для выражения весьма сложных юридических понятий (Судебник Казимира Ягеллончика 29 февраля 1468 г.). К Литовской метрике — архиву великокняжеской канцелярии — замечательному памятнику официального белорусского языка, ещё не прикасались исследователи-лингвисты. Метрика очень интересна для изучения ещё не вполне установившихся фонетики и морфологии её языка. Так, в документах конца XV в. ещё нет «дзекания» там, где оно должно быть и где оно встречается в документах более позднего времени. Так, известная фамилия Радзивиллов в Метрике не имеет звука

«з». Равным образом фамилия Судзилловских в Метрике тоже написана без «з». Вообще в этой книге нет «дзеканья»¹.

Звук «ф» в современном белорусском языке не может иметь мягкости, а между тем встречается двойное звучание — твёрдое и мягкое: «фь» и «ф» (Остафьевич и Остафевич²). Звук «н» употребляется параллельно звуку «м». Так, имя Николай, по-белорусски Миколай, встречается в обоих звучаниях³. Белорусское твёрдое «р» не допускает мягкости. В Метрике встречается двойное звучание: «Немиря»⁴, «Немири»⁵, «Рымигайлю»⁶, «Рылов»⁷, но также «Римко»⁸, «Рижко»⁹, «Римовидович»¹⁰, «Ринда»¹¹, «Бранск», «Бранекс», «Брянск» и «Брянск»¹², «радити» и «рядити», «присягнул», «прысягнул», «дворанин» и «дворянин», «присудили» и «прысудили», «нехай держыць» и «нехай держит», «прывесити» и «привесити», «небошык» и «небощик». Звук «с» всегда звучит твёрдо, а между тем рядом с «Симон»¹³, «Сынкович», «Сытич»¹⁴, «Сыч»¹⁵. Неустойчивость можно отметить и в других звучаниях. Мы ограничиваемся только этими примерами, так как в нашу задачу не входит изучение фонетики Литовской метрики.

Приведённые примеры различного звучания слов совершенно достаточны, чтобы прийти к выводу, что в Литовской метрике фонетика была ещё не вполне белорусская.

Эти данные позволяют прийти к выводу, что литературный белорусский язык в конце XV в. ещё окончательно не оформился; об этом свидетельствует путаница в правописании, которую отнюдь нельзя объяснить безграмотностью писца. Белорусский язык длительно литературно оформлялся, вырабатывалось правописание. Изучение правописания Литовской метрики и соотношения согласных и гласных покажет, что о едином правописании и звучании ещё не может быть и речи. Значит, в конце XV, начале XVI в. ещё не оформился окончательно литературный белорусский язык. Некоторые лингвисты-исследователи, отметив белорусское звучание в отдельных словах документов XIII—XIV вв., ошибочно относят образование белорусского народа к этому периоду. Весьма интересно, что сочетание «дз» представлено весьма слабо в документах Литовской метрики. Поэтому неправ А. Шахматов, говоря о «дзеканьи» как о результате влияния говоров мнимо «ляшских» племён — радимичей. Безусловно, прав Е. Карский, считающий, что «дз» белорусского происхождения. Во всяком случае, советские лингвисты должны обратиться к изучению языка Литовской метрики.

С начала XVI в. феодальная культура Белоруссии вступает в блестящий период своего подъёма. «Белорусское возрождение» XVI в. — «золотой век» в развитии белорусской письменности. Начало его связано с именем полоцкого мещанина Франциска-Георга Скорыны — «доктора лекарских наук» Падуанского университета, который, поселившись в Чешской Праге в 1517—1519 гг., стал печатать в собственной типографии перевод Библии на язык «посполитых людей» в целях просвещения.

¹ Литовская метрика. Книга записей. РИБ. Т. XXVII, стр. 125—128, 130, 131, 140, 148, 149, 152—159, 161 и т. д.

² Там же, стр. 497, 617, 785, 787.

³ Там же, стр. 47, 72, 57, 61.

⁴ Там же, стр. 96, 98, 205, 308.

⁵ Там же, стр. 76, 196.

⁶ Там же, стр. 10.

⁷ Там же, стр. 493.

⁸ Там же, стр. 103.

⁹ Там же, стр. 285.

¹⁰ Там же, стр. 44, 85, 286.

¹¹ Там же, стр. 46.

¹² Там же, стр. 48—50, 53, 62, 123, 175, 179.

¹³ Там же, стр. 44, 14.

¹⁴ Там же, стр. 49.

¹⁵ Там же, стр. 769, 194, 321.

Затем Фр. Скорына поселился в «столичном месте» Вильне, где с помощью некоторых богатых мещан устроил типографию, в которой в 1525 г. вышла первая печатная книга в Белоруссии — «Апостол», а затем — так называемая «Малая Подорожная Книжица».

Белорусское возрождение, как и западноевропейское, — движение городское. На базе общего экономического подъема белорусский город в конце XV и начале XVI в. вступил в период своего культурного расцвета.

Белорусское возрождение является отражением роста народного сознания, крепнувшего и развивавшегося в обстановке начавшегося шляхетско-польского католического наступления на «русский» народ. Переводя Библию на язык «простого народа», Фр. Скорына создавал литературный белорусский язык. Он является подлинным его создателем подобно знаменитому реформатору и просветителю Яну Гусу в Чехии и Мартину Лютеру в Германии. Переведя почти все книги Библии, Фр. Скорына предпослал каждой из них введение, характеризующее его философско-теоретические взгляды. Фр. Скорына — верный сын своего народа, стремящийся к его просвещению, отдавший ему все свои силы, чтобы вывести его из того убогого состояния, в котором он находился. Его предисловия к книгам Библии проникнуты рационализмом и критическим отношением к библейским легендам. Они интересуют его только с точки зрения морали. Фр. Скорына высоко ценит научное знание и хотел видеть свой «простой» люд просвещённым¹.

Фр. Скорына называет свой язык «русским языком», противопоставляя ему «язык славянский». М. Вовк-Леванович, тщательно исследовавший язык перевода Библии Скорыны, приходит к правильному выводу, что «живая белорусская речь эпохи Скорыны в большинстве своих характерных черт — фонетики, морфологии и словах была такой же, какой мы её знаем теперь»².

Этот вывод очень ценен для исследователя этногенеза белорусского народа. Язык Скорыны — язык «посполитых людей», как единого этнического целого, язык «русский».

Превосходным памятником книжного белорусского языка и белорусской феодальной культуры является юридический кодекс феодального права, известный под именем Литовского статута 1529 года. Польские исследователи начиная с Тадеуша Чацкого в начале XIX в. пытались доказать, что статут 1529 г. является памятником польской юридической культуры XVI века³. Польским исследователям во что бы то ни стало надо было доказать польский характер статута 1529 г., чтобы подчеркнуть, что Русь (Белоруссия и Украина) уже в это время находилась в сфере влияния польской культуры. Эта тенденциозная точка зрения, усиленно поддерживаемая и польской литературой послевоенного периода, опровергается исследованиями русских историков и историков-юристов, таких, как Ф. И. Леонтович⁴, Н. А. Максименко⁵, И. И.

¹ Владимирова П. «Доктор Франциск Скорына, его переводы, печатные издания и язык». СПб. 1889; Петухов Ч. М. «Францешек Скарына и яго літаратурная дзейнасць»; Пічета В. «Белорускае адраджэнне у XVI стагоддзі». «Друк на Беларусі у XVI і XVII стагоддзях» (1776—1926); Вовк-Левановіч Ч. Я. «Мова выданьня Францішка Скарыны»; Шчакаціхі І. «Гравюры і кніжныя адзоды у выданых Францішка Скарыны». Все эти работы напечатаны в сборнике «400-летье Беларускага друку». Менск. 1926

² «400-летье Беларускага друку», стр. 383.

³ Szaski T. «Ohitewskich i Poolskich prawach w Krakowie». 1861.

⁴ Леонтович Ф. «Русская Правда и литовский статут». Т. II, VI. Киевский университет. 1865.

⁵ Максименко Н. «Русская Правда и литовский статут». Киев. 1904.

Лаппо¹, не раз отмечавших, что в основе статута 1529 г. лежит феодальное право Руси — «Русская Правда».

Равным образом и автор этих строк, изучая институт опекунского права в Литовском статуте, также видит в Русской Правде основной его источник. Судебные решения по делам об опеке лишь развивали и уточняли юридические нормы Русской Правды².

Огромной заслугой русских учёных является разрушение легенды, созданной старопольскими шляхетскими учёными о господстве норм польского права в Литовском статуте 1529 года. Правда, шляхетско-польские учёные обычно не обращают внимания на исследования русских учёных и возрождают отвергнутые научными исследованиями их не обоснованные выводы. Так, Ст. Эстрейхер³ и самоуверенный А. Брюкнер⁴, профессор Берлинского университета, пытаются возродить старопольскую оценку Литовского статута. Статьи обоих шляхетско-польских учёных не были случайными. В это время правительстве пилсудчиков готовилось к захвату Литвы.

Язык Литовского статута до сих пор оставался вне поля зрения специалистов-лингвистов, но общая его характеристика дана Е. Ф. Карским. Изучение лексики, фонетики и морфологии языка Литовского статута привело Е. Ф. Карского к выводу, что он «в общем сходен с языком других западноевропейских памятников XVI в., хотя в статуте полонизмов вообще больше, нежели в других произведениях. Но следует помнить, замечает Е. Ф. Карский, что эти полонизмы только лексического характера, но не в фонетике и морфологии (за малыми отступлениями), чем главным образом определяется язык памятника»⁵. Е. Ф. Карский правильно отметил наличие полонизмов в языке Литовского статута, но не дал объяснения причины этого. Между тем внедрение полонизмов в язык статута — отнюдь не случайное заимствование отдельных слов для выражения тех или других юридических норм. Полонизмы в языке статута — результат начавшейся полонизации феодальной литовской верхушки, а вместе с тем и полонизации феодальных белорусских верхов. Правда, эта полонизация была пока в зародке. Белорусские феодалы ещё считали себя «русскими» и были православными, но развитие феодально-крепостнических отношений объединяло их с литовской феодальной верхушкой.

Общепризнано рассматривать XVI в. в истории Белоруссии как «золотой век» в развитии письменности на белорусском языке, как оригинальной, так и переводной, а также и церковной проповеди. Церковнославянский язык ещё применялся при отправлении религиозного культа, но в письменности его вытесняет белорусский язык в книжной обработке. Эта белоруссизация письменности — основное явление в литературном движении в Белоруссии XVI в., начало которого было положено Фр. Скорыной из Полоцка.

Язык белорусской письменности, достигший высокого развития в XVI в., разумеется, отличался от живой народной речи «простых людей», хотя фонетически и морфологически был белорусским. Этот книжный язык образовался на основе старославянского языка, который становился уже непонятным для феодального класса и поэтому нуждался в известной модернизации — упрощении и сближении с живым народным языком. Однако рядом с письменностью на книжном языке появляется письменность на белорусском языке, в основу которой положен язык «простых людей». Авторы подобных произведений предназна-

¹ Лаппо И. «Литовский статут 1588 г.» Т. I—II. Каунас. 1934—1936.

² Пичета В. «До історії опекунського права». Сборник статей в честь Д. Я. Багалея.

³ «Kultura staropolska», str. 72—73. Kraków. 1932.

⁴ Ibidem, str. 712.

⁵ Карский Е. Указ. соч. Т. III, Ч. 2-я, стр. 12.

чают их не для феодального класса, а для «простых людей». Эта письменность нового типа вышла из лагеря протестантов.

Пропагандисты протестантизма стремились вовлечь в сферу своего влияния широкие народные массы. Им надо было разъяснить, что собой представляет протестантизм, как система вероучения. С этой целью известный протестантский деятель Симон Будный, принадлежавший к арианству, левому направлению в протестантизме, напечатал в 1562 г. «Катихизис», то есть «наука стародавняя христианская от светого писма для простых людей языка Русского в пытаниях и отказах собрана». Язык «Катихизиса» Симона Будного отличается от языка иных памятников письменности XVI века. В нём нет полонизмов. Он подлинно живой язык со всеми фонетическими и морфологическими особенностями белорусского языка.

Для иллюстрации приведу несколько наугад взятых слов: «аглашэньне» — оглашение, «учэніе» — ученье, «учаніцы» — ученики, «ця пер» — теперь, «чыняць» — чинят, «научыўшы» — научивши, «дьябал» — дьявол, «абычаю» — обычно, «межы» — между, «чалавэкам» — человеку, «учыці» — учить, «верылі» — верили, «людзей» — людей, «в дзяцінстве» — в детстве, «міластыня» — милостыня, «вадою» — водою, «слупчалі» — спустили, «імяньня» — имения, «рызы» — ризы, «колакалы» — колокола, «навучаюць» — учат, «праўда» — правда, «знаюць» — знают, «прад» — пред, «вучыці» — учить, «хацелі» — хотели, «іначача» — иначе, «законьнікі» — законники, «сабе» — себе, «лякарства» — лекарство, «шукану» — искал, «пастарал» — пастораль, «божае» — божье, «чаго ж» — чего же, «водзіцы» — водить, «ня» — не, «дзяржали» — держали, «жылі» — жили, «ісціны» — истины, «шырэі» — шире, «будзец» — будет, «напатам» — потом, «жаждушчыя» — жаждущие.

Приведённые нами слова, взятые из «Предисловия» к «Катихизису» Симона Будного, свидетельствуют об установившемся начертании звуков, вполне отвечающем фонетическим особенностям живой белорусской речи. Её фонетические особенности: аканье, дзяканье, цоканье и др. — отражены в языке Симона Будного. В «Катихизисе» Симона Будного нет того неустойчивого звучания, столь свойственного Литовской метрике конца XV и начала XVI века. Таким образом, язык «Катихизиса» Симона Будного наглядно свидетельствует о закончившемся процессе формирования белорусского языка на общерусской основе. Поэтому можно утверждать об образовании белорусской народности к половине XVI века. В то же время в Белоруссии формирование книжного языка было двусторонним. С одной стороны, язык старославянской письменности секуляризировался и приближался к народной речи с её фонетическими и морфологическими особенностями. Он становился языком класса феодалов. С другой стороны, живой народный белорусский язык был представлен книжным языком Симона Будного. Литературный опыт Симона Будного был едва ли не единственным.

Протестантское движение не проникло в глубь народных масс. В связи с этим не появлялось новых книг на подлинном живом белорусском языке. Протестанты обратили всё своё внимание на класс феодалов. Естественно, что другой представитель арианского толка, полоцкий шляхтич Василий Тяпинский, при переводе евангелия польского на белорусский, использовал язык тогдашней феодальной письменности, а не народный язык. Прав Н. Янчук в своей характеристике языка Василия Тяпинского: «Язык Тяпинского не чисто народный, а книжный, но он далеко отошёл от церковно-славянской и много принял в себя местных элементов не только белорусских, но подчас и польских. Но он весьма приближается к тогдашнему народному белорусскому языку. По мнению Н. А. Янчука, в переводе евангелия Василием Тяпинским «мы видим наилучший образец тогдашнего белорусского языка образованных сословий белорусского общества, которое не отрекалось от своего родного сло-

ва»¹. В условиях феодального общества, конечно, не мог образоваться литературный белорусский язык на народной основе. Только после отмены крепостного права, когда в связи с развитием капиталистических отношений создавались предпосылки для формирования белорусской нации, начался процесс формирования белорусского литературного языка на основе живого народного языка. Вся новейшая художественная литература во второй половине XIX в. начиная с её основоположника Фр. Богушевича отражала процесс создания подлинного белорусского литературного языка, богатство и красота которого нашли столь яркое отражение в блестящем поэтическом творчестве народных поэтов — покойного Янки Купалы и ныне здравствующего Якуба Коласа. Несмотря на все неблагоприятные культурно-политические условия развития Белоруссии белорусский народ сохранил свой язык, столь богато представленный в разнообразных памятниках народного творчества.

Подведём некоторые итоги нашего исследования.

Хотя белорусский народ находился с русским народом в одном государстве под властью царского правительства, тем не менее в дворянско-придворных кругах существовало смутное представление о том, что собой представляли белорусы в этническом и языковом отношениях. Однако русские исследователи уже в первой четверти XIX в. установили генетическую связь старобелорусской письменности с древнерусской письменностью. Чешский славист П. Шафарик со свойственной ему чёткостью и обоснованностью отнёс белорусов к русской ветви славянства. Общие наблюдения Шафарика были проверены русскими славистами-библиографами, которые, изучая рукописное богатство, сохранившееся от прошлой жизни белорусского народа, пришли к выводам о единстве происхождения русского и белорусского языков. В то же время историки показали исконные исторические связи Западной Руси с восточной, отмечая единство земли Русской, сохранившееся вплоть до монголо-татарского нашествия, когда, по меткому выражению В. О. Ключевского, произошёл разрыв единой русской народности. Материалы белорусского народного творчества, тщательно собираемые специалистами-фольклористами, показали культурную и языковую близость белорусов к русскому народу, а вместе с тем опровергли представление националистических кругов, будто Белоруссия есть только географический термин.

Опубликование многочисленного и разнообразного актового материала, а также изучение истории великого княжества Литовского и истории северо-западных русских земель с древнейших времён до начала XIV в., а также развитие общего славяноведения позволили поставить вопрос об этногенезе белорусского народа и его языка. В этом отношении большие заслуги принадлежат академику А. А. Шахматову и Е. Ф. Карскому, труды которых взаимно дополняли друг друга. Если внимание А. А. Шахматова было сосредоточено на изучении славянских передвижений, то Е. Ф. Карский изучает период, начиная с окончательного оседания тех славянских племён, которые составили этническую основу белорусского племени вплоть до вхождения Западной Руси в состав великого княжества Литовского, в пределах которого завершился процесс формирования белорусского народа. Теоретические положения Е. Ф. Карского были усвоены его продолжателями, которые, однако, не вышли за пределы мнений, высказанных виднейшим белоруссведением. Поэтому вопрос об этногенезе белорусского народа нуждался в пересмотре и новом научно-теоретическом обосновании с широким использованием тех общих наблюдений, к которым пришли А. А. Шахматов и Е. Ф. Карский.

Изучение поставленного вопроса позволяет отметить три момента в процессе образования белорусского народа, а именно: а) время освоения

¹ Янчук Н. «Нарысы по гісторыі Беларускай літаратуры. Старадаўныя перыяд», стр. 37. Менск, 1932.

территории Белоруссии славянскими племенами, б) период феодальной раздробленности и в) период после разрыва единой русской народности.

Изначальным моментом процесса формирования белорусской народности, окончательное сложение которой следует отнести ко времени нахождения Западной Руси в составе великого княжества Литовского, является период установления экономических связей между отдельными областями, которые содействовали исчезновению этнического множества и образованию этнического единства народа. Ещё до периода феодальной раздробленности на общерусской лингвистической основе на территории Белоруссии возникли местные говоры, но в культурном отношении западнорусские земли были органически связаны с остальными русскими землями.

Процесс формирования белорусской народности неотделим от процесса образования белорусского языка на базе слияния местных говоров. Сравнение языка «Слова о полку Игореве» с современным белорусским языком устанавливает генетическую связь между общерусским языком этого замечательного поэтического памятника и белорусским языком.

Параллельно формированию белорусского языка создавался и книжный язык на основе староцерковно-славянской письменности с усвоением белорусской фонетики и морфологии. Творцами этого книжного белорусского языка были писцы великокняжеской канцелярии, переводчики отдельных произведений польского и чешского происхождения, составители оригинальных сочинений. Этот книжный язык был языком белорусских феодалов. В половине XVI в. протестант арианского толка Симон Будный опубликовал «Катихизис» на белорусском языке на основе тогдашнего живого белорусского языка с его «аканьем», «дзеканьем» и другими его фонетическими особенностями. Однако язык Будного не стал языком класса феодалов, и переводчик евангелия Василий Тяпинский пользуется обычным книжным языком. Формирование литературного белорусского языка на основе живого народного языка было связано с развитием новой художественной литературы во второй половине XIX в. в условиях развития капиталистических отторжений в Белоруссии.